бодительной борьбы и совершенствования социализма, на педагогические проблемы ликвидации неграмотности, повышения культуры речи, обучения родному языку и языку межнационального и международного общения. Это тоже часть марксистско-ленинского учения о языке как общественном явлении, об управлении языковым развитием при социализме.

Рецензируемая книга вышла небольшим тиражом. Рассматривая ее как методологическое руководство для ученых и практиков, мы должны рекомендовать ее к переизданию (возможно, доработанному и дополненному).

Кодухов В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
2. Чесноков П. В.— ВЯ, 1984, № 3.— Рец. на кн.: Панфилов В. З. Гносеоло-

гические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.

3. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка. Под ред. Жлуктенко Ю. А. Киев, 1981.
4. Современное зарубежное языкознание. Вопросы теории и методологии. Отв. ред. Мельничук А. С. Киев, 1983.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955, т. 3, с. 29.
6. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 1979.
7. Ключев Б. И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.
8. Неверов С. В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.
9. Чередниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Проблемы функционирования западноевропейских языков. Киев, 1983.

Борунова С. Н., Воинова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 635 000 слов. Под ред. Аванесова Р. И.— М.: Русский язык, 1983. 704 с.

Выход в свет «Орфоэпического словаря русского языка» — значительное событие в культурной жизни нашей страны.

Советское языкознание с первых дней революции много сил отдавало строительству новой культуры. Здесь нельзя не вспомнить Д. Н. Ушакова. Свою работу по защите, пропаганде и совершенствованию русского литературного произношения он называл, в духе эпохи, по-военному: «мои походы за орфоэпию». Он мудро соединял верность всему ценному в речевой традиции с чутким вниманием к ее обновлению.

Достойным продолжателем дела Д. Н. Ушакова был его ученик Р. И. Аванесов, вдохновитель и редактор нового словаря. Словарь продолжает традиции Д. Н. Ушакова, значительно их обогащая. И это понятно: сама норма языка и отношение к ней за 50 лет изменились.

В 20-е—40-е годы главное было в том, чтобы понятие литературной нормы сделать достоянием широких масс; надо было настаивать на ее необходимости, прочности, обязательности. В этих условиях вариантность литературного произношения неизбежно оценивалась как ее недостаток; как то, что мешает воспитывать уважение к строгим требованиям литературного языка. Поэтому словари, учебники, справочники стремились уменьшить количество помет, допускавших выбор произношения.

Время идет. Сейчас все понимают, что языку нужна четкая норма. Успешно насаждать нормативность, энергично защищать ее нет необходимости. В глазах наших современников получила особую ценность возможность выбора (в пределах нормы) — ради выразительности

речи, ради ее стилистической красочности и остроты.

С другой стороны, остается твердым убеждение, что недопустимо распатывание нормы. Как совместить эти два требования, выдвинутые речевой современностью? Словарь дает прекрасный ответ. В нем сохраняется и категоричность нормативных рекомендаций, и представлены более широко, чем в других словарях, — возможности варьирования. Составители в огромном большинстве случаев добились убедительного баланса между запретами и разрешениями. Вот, например, как выглядит статья со сложными нормами ударения: **отжѣть**, -живѣу, -живѣт, *прош.* **отжил** и **отжѣл**, **отжилѣ**, **отжило**, **отжили** и **отжѣло**, **отжили**, *прич. действ. прош.* **отжѣвший**, *прич. страд. прош.* **отжѣтый** и **отжѣтый**, **отжит** и **отжѣт**, **отжѣтѣ**, **отжитѣ**, **отжиты** и **отжѣто**, **отжѣты**, *деепр.* **отжѣв!** *не рек.* **отжилѣ**; *не рек.* **отжѣта**, **отжѣта**; *неправ.* **отжила**, **отжила**; *неправ.* **отживший**, **отжив**.

Как видно, допущен большой выбор вариантов. И вместе с тем — ряд строгих запретов: устраняется то, что отвергнуто общественным вкусом, то, что противоречит законам языка.

На чем основан выбор? На внимательном наблюдении живой речи, на проникательном истолковании процессов, протекающих в современном русском языке. Если норма отстает от живой речи, возникают мучительные напряжения. Один из таких трудных участков современного языка — ударение. Вот пример: существуют пять однотипных слов — *слесарь*, *токарь*, *писарь*, *пекарь*, *лекарь*. Словари требуют, чтобы у одних непременно во множественном числе было окончание -и,

у других *-я*; у третьих допустимо и то, и другое. Если же у слова окончание в [м. пад. *-и*, то в род. пад. возможно у одних окончание *-ей*, ударное, у других *-ей*, безударное. Например: *токари токарéй*, но *лэкари, лэкареéй*. Такое строгое разграничение живой практикой культурной речи не подтверждается. Читатель убедится в этом, если попытается определить, не заглядывая в справочники, какое образование мн. числа предписывается каждому слову. Впрочем, словари и справочники здесь категоричны, но не единодушны; нет двух, где рекомендации были бы одинаковы. Очевидно, от категоричности в данном случае надо отказаться. Составители Словаря поступили правильно: они для всех этих слов разрешили и окончание *-я*, и окончание *-и*.

Продуктивная тенденция в современном языке — с помощью ударения противопоставлять формы ед. и мн. числа существительных. Это убедительно показала в своих работах В. Л. Воронцова. Тем самым стимулировано распространение окончания *-я*, *-я* ударного в форме им. пад. мн. числа у слов, имеющих в ед. числе ударение на основе. Поэтому Словарь обоснованно разрешает всем пяти словам пользоваться окончанием *-я*. Такая рекомендация отвечает грамматической тенденции языка. С другой стороны, всем пяти словам позволено пользоваться окончанием *-и*, хотя бы в целях стилистических, для умеренной архаизации текста.

Так Словарь снимает многие напряжения в современной орфоэпии.

Та же тенденция — размежевание двух чисел существительных с помощью ударения — в других случаях принимается Словарем в виде специализированных норм. Словарь щедро включает явления профессиональной речи, считая их в своей сфере правомерными. Здесь также видно изменение привычного отношения к норме. Профессиональное арго обычно рассматривается как нечто нормативно нежелательное. Во внеслужебное время человек владеет литературной речью, но на работе занимается предосудительным ее искажением. Верно ли это? Пожалуй, более прав был командир судна, издавший приказ: «На берегу разрешаю говорить *кóмпас*. Он исходит из существования двух литературных норм: для профессиональной речи — *кóмпас*, для обиходной — *кóмпас*. Рабочая речь требует соблюдения своих норм, это не речь «распустеха», не речь-беззаконница. Пора принять ее в лоно литературной нормы как ее особое ответвление. В Словаре даны, например, такие указания:

лоцман, -а, мн. -ы, -ов		у моряков, мн. лoцманá, -бв;
бáмпер, -а, мн. -ы, -ов		в профессион. речи мн. бамперá, -бв;
бóцман, -а, мн. -ы, -ов		у моряков мн. боцманá, -бв;
кóмпрессор, -а, мн. -ы, -ов		в профессион. речи мн. компрессорá, -бв;
майка, майкá		у моряков майкá.

Как видно из примеров, в профессиональной речи активно пролагает себе путь та тенденция, о которой говорилось: использовать ударение для разграничения числовых форм. Отражение этих форм —

знак чуткого внимания составителей к жизни языка.

Хорошо даны в Словаре формы прошедшего времени глаголов, краткие прилагательные и причастия — все это болевые точки современной акцентологии. Тщательно выявлены формы с двумя равновозможными ударениями: *блédный, блáзкий, ббдрýй, влáжный, вбльный, дýшный, глúбoкий, жéлтýй* и мн. др.

С. И. Ожегов, видимо, справедливо считал, что излишняя склонность к побочным ударениям в сложных словах свойственна просторечию. Вполне естественно, что Словарь полон внимания к «побочно ударяемым» словам. Необходимо учитывать многие стороны явления. Полуударение бесспорно уместно, если первая часть сложного слова — на самом деле аналитическое прилагательное. Аналитическое прилагательное опознается по двум признакам: во-первых, оно присоединяется к существительному, которое живет и без соприобщения данного (и любого другого) прилагательного; во-вторых, оно свободно, по велению смысла, присоединяется к любому существительному, сохраняя свое значение без изменения. Кроме того, полуударение тем более вероятно, чем большим количеством слогов оно отделено от основного ударения. Игруют роль также разные чисто морфологические признаки.

Создается впечатление, что в Словаре учитывались многие из этих факторов; теоретические предположения проверялись наблюдениями над речью. Поэтому рекомендации в большинстве случаев убедительны; см. слова с начальной частью *аэро-, био-, кино-* и др. Но есть и досадные случаи, когда Словарь поощряет то самое просторечие, от которого он должен предостерегать. Так, совершенно неприемлемо произношение *сэльсовёт, сэлькóр, сбёркáсса*, на котором настаивает Словарь. Но это частности.

Произношение согласных перед мягкими согласными — вот, пожалуй, самый сложный участок современной орфоэпической системы. В эпоху Д. Н. Ушакова устойчивыми были законы: перед мягкими зубными согласными все парные зубные согласные могут быть только мягкими; перед мягкими губными зубные согласные возможны только мягкие. В 50-е годы обе эти закономерности были живыми, и словарь 1959 г. («Русское литературное произношение и ударение». М., 1959) отразил их как незыблемую норму. Новый словарь, следуя за языком, многое здесь меняет; иногда, впрочем, не следуя за языком.

1. Перед мягкими зубными — мягкие зубные. Эта закономерность прочна. Она

без исключений реализуется в сочетаниях [с^бт^б — з^бд^б — с^бн^б — т^бн^б — д^бн^б — н^бт^б — н^бд^б]. Словарь везде неукоснительно отмечает мягкость первого соглас-

ного в этих сочетаниях. (Есть редкие недосмотры: *безжизненный* дано без указания на [з^{бн}], ср. *жизненный* с таким указанием.) Впервые приводятся все словоформы, где такие сочетания возникают. Например, дано слово *мост* — и приводится форма *о мосте*, с указанием на [с^{бт}]. В прежних словарях такие сочетания в косвенных формах не указывались.

Сочетания зубных с мягкими боковыми зубными идут с пометой: [с^{бл} и сл^б]; если же твердость первого согласного поддерживается парадигматически, то с пометой [доп. с^{бл}], [доп. з^{бл}]: *росли, о козле* и т. д. Это отвечает реальности нашей речи. Разрыва с традициями нет, но Словарь говорит, что в современном русском языке согласный [л^б] ведет себя иначе, чем все другие зубные, он слабее остальных зубных индуцирует мягкость своему соседу.

В двух случаях, однако, позиция авторов Словаря (относительно сочетаний зубных) кажется уязвимой. В сочетании [с^{бт}] согласный [с^б] обязан быть мягким; но замечено, что в тех случаях, когда эти зубные следуют после твердого [л], согласный [с] может оставаться твердым: *то [лст^б]еть, по [лст^б] и [ползти]*. Наблюдение впервые было сделано Р. И. Аванесовым; в словаре 1959 г. нет указания на мягкость [с] в этих случаях.

Закономерность факультативна. Наряду с указанным произношением широко распространено и другое: *то[лс^{бт}]еть, то[лс^{бт}]и*. И хорошо, что в новом словаре отмечено у этих слов: [доп. с^{бт}]. Но эта факультативная закономерность неожиданно (и, на наш взгляд, необоснованно) перенесена на положение после [р]: на слова типа *шерсть, о версте*, а также *второкурсник, мерзнет* и т. п. Обязательность мягкого произношения в этих случаях пометами Словаря снижается на две ступени. Например, для слов *шерсть, горсть* и под. указано не [с^{бт}], как в словаре 1959 г., и даже не [с^{бт} и сл^б] — на ступень ниже, а [доп. с^{бт}]. Эта закономерность механически распространена на все слова с данной позицией: [р] + зубной + мягкий] зубной согласный.]

Понятно, что [л], звук низкой тональности, понижает тон следующего согласного. Но сомнительно, чтобы [р], звук высокой тональности, мог это сделать. Положим, что и такая норма, с твердым зубным, когда он зажат между [р] и следующим мягким согласным, существует в современном русском языке и даже в какой-то степени распространена; но тогда по крайней мере надо было допустить на равных правах оба произношения: [рс^{бт} и рст^б].

Умение сочетать дедукцию и индукцию здесь изменило авторов: искусственное обобщение подминает факты и ведет к неточным рекомендациям.

Вызывает сомнения и другая рекомендация о сочетаниях зубных согласных с зубными согласными. Как произносится

балансировать, об ассонансе, о романсе, авансировать, о бронзе, бензин? Конечно, с мягким [н^б] в сочетаниях [н^бс^б], [н^бз^б]: зубной перед мягким зубным произносится мягко. Естественно, в словаре 1959 г. все эти слова даны с категорической пометой [н^бс^б], [н^бз^б]. С удивлением читаем в новом словаре, что мягкость [н^б] здесь только допустима, т. е. даже не рекомендуется, не равноправна с твердостью.

У слов с такими сочетаниями в новом словаре большой разницей помет. В словах *вакансия, вонзить, вензель* допускается равноправно произношение и с [н^б], и с [н]; в словах: *пенсион, пенсионер, претензия, рецензировать* — только с [н^б]. В словах *балансировать, бензин, о бронзе, о романсе* — оказывается, [н^б] всего лишь допустимо... (Между тем произношение *о рома[н]се* просто режет слух, воспитанный на литературной норме). Этот разницей, может быть, и отвечает каким-нибудь умозрительным построениям, но противоречит фактам живой речи. Реально господствует произношение с [н^б]. Р. И. Аванесов в своих теоретических работах признавал допустимым произношение *бе[н]зин*, но в этом случае нельзя согласиться даже с Аванесовым, тем более, что в словаре 1959 г. он рекомендует только *бе[н^б]зин*.

Отказ от традиционной нормы, которая требует в данном звукосочетании мягкости [н^б], ведет к серьезным неувязкам. В словах *женственный, таинственный, о единстве, о чванстве* возможна мягкость [т^б] перед [в^б] — на том основании, что зубные позиционно мягки перед мягкими губными. Норма эта свойственна не всем говорящим, но для многих она живая. Тогда в тех же четырехсогласных сочетаниях перед мягким [т^б] непременно мягкость [с^б], зубного перед зубным. Далее: перед [с^б], снова по закону «мягкий зубной + мягкий зубной», будет обязательной мягкость [н^б]. Следовательно, возможны типы произношения: [нств^б] — у тех, кто не смягчает зубные перед мягкими губными,¹ и [н^бс^бт^бв^б] — у тех, кто смягчает. Нормы иерархичны: если у кого-либо есть мягкость зубных перед губными, то тем более есть мягкость зубных перед зубными. Поэтому совершенно неправдоподобно в чьей-либо речи как устойчивое явление сочетание [н^бс^бт^бв^б].

Человек, перепрыгнувший барьер в три метра, наверняка перепрыгнет и барьер в два метра. Но не обязательно тот, кто одолел двухметровое препятствие, возьмет и трехметровую высоту. Мягкость зубных перед зубными — это двухметровая высота, мягкость зубных перед губными — трехметровая. Тот, кто произнес [т^бв^б], произнесет и [н^бс^б]. Невероятно, что окажется реализованной мягкость в первом из этих сочетаний и вместе с тем нереализованной во втором.

Конечно, речь — вероятностный объект, в речи чего не бывает! Но среди

з а к о н о м е р н ы х сочетаний нет [н^бд^бв^б]. А именно их-то и рекомендует все время Словарь, поскольку составители решили, что мягкость первого согласного в сочетании [н^бс^б] — явление нежелательное. Неубедительные рекомендации относительно сочетаний [н^бс^б] и [н^бз^б] считаем недостатком Словаря.

2. В словаре 1959 г. последовательно указана мягкость зубных перед мягкими губными: [з^бв^б] *эзды*, [с^бп^б] *ереди* и т. д. В новом словаре везде, за редким исключением, разрешен выбор: [з^бв^б] или [зв^б], [с^бп^б] или [сп^б] и т. д. Эта закономерность сейчас потеряла свою категоричность, требовать неукоснительного ее соблюдения невозможно. Но и подталкивать ее к исчезновению нет смысла; поэтому правы авторы нового словаря, отмечая и желательность традиционной нормы и возможность отступлений от нее. У слова *разве* указана только одна возможность — произношение [з^бв^б], и это понятно и обоснованно. Есть свои резоны и у других отступлений в пользу господства традиции (слова *лезвие*, *лезвийный* и некот. др.).

Словарь отмечает, что в сочетаниях [д^бв^б], [т^бв^б], [з^бв^б], [с^бв^б] мягкость первого согласного более устойчива, чем в других сочетаниях зубного перед мягким губным. Думается, что это справедливо, хотя и противоречит данным массового орфоэпического опроса, проведенного в 60-е годы. Видимо, направление этого процесса меняется.

В целом трактовка ассимилятивной мягкости согласных в Словаре убедительна, и наши упреки касаются только деталей. (Статьи: если в словах *ангел*, *архангел* допускается произношение [н^б], то такое же произношение надо допустить и в словах *архангельцы*, *архангельский*, где оно в современной речи сохраняет свою устойчивость.)

Как Словарь заботится о тех участках орфоэпической системы, которые требуют защиты? Всегда есть такие закоулки литературной речи, которые по тем или иным причинам находятся в опасности. Тем не менее их важно сохранить. Литературный язык могущественен тем, что опирается на традицию; он соединяет поколения, Пушкина — с нами, нас — с людьми XXI века. Если стихотворение «Подъезжая под Ижоры» читать: [пъдыж-жа́йа пъдыжо́ры], то текст А. С. Пушкина перестает существовать как произведение искусства (такое чтение когда-то рекомендовал Н. Н. Асеев, но здесь мы не последуем даже за Асеевым). Подхлестывать, торопить историю произношения не следует, надо, наоборот, укреплять традицию, доносящую до нас ценности прошлого.

Словарь делает это хорошо. Дан полный набор слов и словоформ с согласным [ж^б]; вплоть до таких нечастых форм, как *венежусь*, *нагромозжусь*... Рекомендовано именно традиционное произношение, с мягким долгим шипящим, и считается допустимым произношение с [ж:] твердым.

Точно очерчен круг слов, где после [ш, ж] в первом предупредном слоге необходимо произношение [ы^б] (*жалеть*, *лошадей* и т. д.). Здесь обоснованно сохраняются рекомендации Р. И. Аванесова и других орфоэпистов.

Тщательно указаны случаи, когда буквосочетание *чи* произносится как [шия]; убедительно разграничены слова, где такое произношение обязательно и где оно допустимо.

На стыке приставки и корня в словах типа *расческа*, *исчерпать*, *бесчестный* предлагается произношение [ш^бч^б], господствующее в современной речи. Но, может быть, стоило дать и другое, уходящее в прошлое, но все еще живое: *ра[ш^б:]эстка*, и [ш^б:] *ерпать*, *бе[ш^б:]естный*... Указать на возможность такого произношения предлагал А. А. Реформатский после выхода орфоэпических словарей 1955 и 1959 гг. Это более отвечало бы установке Словаря «отразить столько вариантов нормы, сколько их реально существует в языке на данной стадии его развития...» (Предисловие к Словарю, с. 3).

В Словаре дается информация об образовании грамматических форм. Эта работа выполнена особенно тщательно. В основе рекомендаций лежат серьезно продуманные теоретические положения о соотношении языка и речи (что важно при фиксации потенциальных форм), о связи грамматического и лексического в слове, о грамматическом объеме именных и глагольных лексем.

В одной из публикаций, подготовительных для Словаря, Н. А. Еськова писала: «В русских словарях принято представлять парадигмы слов в виде сокращенных указаний на определенные неисходные формы, которые даются при исходных — заглавных — словоформах. Количество таких указаний зависит от степени нестандартности парадигмы: для стандартных в морфологическом и акцентном отношении требуются минимальные указания, для нестандартных — те или иные добавления к минимуму. Все толковые словари русского литературного языка следуют этому общему принципу, но ни один не проводит его сколько-нибудь последовательно. Данная работа претендует на такую последовательность» [1]. Действительно, по продуманности и последовательности грамматических рекомендаций «Орфоэпический словарь русского языка» является образцовым изданием.

Читатель найдет в Словаре указания по всем сложным вопросам русского грамматического формообразования. Один из них решаются путем скрупулезного анализа каждого отдельного факта, — если в самом языке не определились общие закономерности, движущие процесс изменения многих единиц в одном направлении (например, рекомендации о формах прошедшего времени у глаголов типа *замолкнуть*, *олознуть*, *намокнуть*, *прокиснуть* и т. п.). В других случаях наблюдение каждого явления остается чутким и точным, но учитываются и общие грамматические тенденции русского

языка (например, таковы рекомендации по поводу акцентных признаков форм).

Не только омонимы, но и значения одного слова строго разграничиваются, если они связаны с отличиями в образовании форм. Например:

Гордый¹, -ая, -е, кратк. ф. горд, горда, гордо, горды и доп. устар. горды. □ Испытывающий гордость (употр. с доп. полн.) Он горды своими успехами.

Гордый², -ая, -ое, кратк. ф. горд, горда, гордо, горды и доп. горды, сравн. ст. неуп. □ Исполненный гордости; высокомерный; величавый (употр. без доп. полн.) Она горда и независима.

Различие между *горды* и доп. *горды*, с одной стороны, и *горды* и доп. *горды*, с другой, как будто ничтожно, однако языковое чутье подсказывает, что в одном значении, действительно, более уместно *горды*, в другом — *горды*. Не каждый читатель, конечно, имеет возможность путем систематического наблюдения языка проверить каждую рекомендацию, но интуиция неизменно соглашается с грамматическими разграничениями в Словаре.

Какие формы входят в пределы одной лексемы, образуя ее лексико-грамматическое единство, и какие остаются за ее пределами, создавая контуры другой лексемы? В Словаре нередко даются новые и притом убедительные решения этого вопроса.

Например, у ряда прилагательных краткие формы выделены в особые слова — *узок*, *длинен*, *тесен* и пр. — со значением чрезмерности признака: *Пиджак ему узок*. Значение «чрезмерности» присуще определенным грамматическим формам — кратким прилагательным, это заставляет считать явление грамматическим. Поскольку оно свойственно только лексически ограниченной группе слов, постольку это явление лексико-грамматическое. Следовательно, слова типа *коротки*, *узки* и т. п. отличаются от полных форм лексико-грамматически и представляют собою особые слова. Для Словаря выделение этих форм важно, так как они имеют свои «предпочтительные» ударения, иные, чем у обычных кратких прилагательных.

Таких убедительных новых решений, обогащающих наши грамматические представления о русском языке, в Словаре много. Ср., например, систематическое выделение счетной формы у слов, обозначающих единицы измерения и пр.

В конце Словаря читаем: «Исходной формой для прилагательного считается именительный падеж мужского рода. Толковые словари (кроме словаря Ушакова⁶) отступают от этого общего правила подачи для тех прилагательных, которые в нормальном контексте выступают в форме женского рода, давая в качестве заголовков словарных статей *беременная*, *жербя*, *суйгная* и т. п. Следуя традициям словаря Ушакова, данный словарь сохраняет для таких прилагательных обычную подачу в форме мужского рода... (с. 691). В чем принципиальный смысл этого решения? В том, что словарь, погруженный в констатацию фактов речи, всегда и во всем должен подниматься от

речи к языку. Норма существует именно в языке.

Во всех ярусах языка следует различать не представленное в определенном тексте (или даже во всех текстах, являющих данный язык) и невозможное по законам данного языка. Фонетисты научились это делать. Так же надо поступать и в грамматике. От глагола *победить* язык не дает формы 1-го л.: и *победу*, и *побежу*, и *побежду* в равной степени неприемлемо, а иных возможностей нет. (Употребительны описательные формулы: *я одержу победу, я буду победителем...*) У глагола *болеть*, *болит*, *болят* (надо отличать его от глагола *болеть*, *болеет*, *болеют*) язык не наложил запрета на форму первого лица — *болю*, — но потребность в ней редка, и в текстах она появляется не часто: «Пальчик, почему твой хозяин так громко стонет?» — «Я у него сильно болю» (сказка). Естественно, Словарь не дает формы 1-го л. у глагола *победить* (наоборот, запрещает ее употреблять) и дает эту форму у глагола *болеть*, *болю*.

Словарь должен показать закономерность, санкционированную языком, хотя бы в речи она и выявлялась с большой редкостью. Это намерение — дать полную информацию о единицах языка — было руководящим для Д. Н. Ушакова, и ему следуют авторы Словаря. Действительно, надо дать в качестве исходной форму *беременный* (ср. стихотворение Д. Д. Бурлюка «Беременный мужчина»), надо дать форму *болю*, поскольку в языке они не запрещены и при надобности будут непременно употреблены как правильные, отвечающие норме.

Словарь последовательно дает потенциальные формы, строго отличая их от форм, запрещенных нормой. Авторы Словаря приняли теоретически безупречное решение, которое и практически наиболее выгодно.

Особенную ценность имеет очерк «Сведения о грамматических формах», Н. А. Еськовой, помещенный в конце Словаря. Это исследование, краткое, но насыщенное ценными наблюдениями и обобщениями, займет свое достойное место среди наиболее значительных работ по морфологии русского языка, обнаруженных в последнее время, — рядом с работами С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой, А. А. Зализняка, В. А. Робинсон, В. С. Храковского, Н. А. Янко-Триницкой...

В заключение повторю, что, конечно, не все рекомендации Словаря бесспорны. Авторы, например, готовы считать вполне литературным произношение *паи[тэ]ра*. Это немногим лучше *фа[нэ]ры*. Не учтено, что именно это слово используется в театральных вузах, чтобы отучить студентов от маверного произношения, от *фа [нэ] ры*. Вообще в Словаре серьезно и впервые учитываются факты поэтической речи, явления высокого и сниженного стили, но театральная речь, к сожалению, внимания не уделяется. Между тем, она продолжает сохранять свое значение произносительного образца.

Споры об отдельных формах всегда возможны. Не они определяют общую оцен-

ку Словаря. Остается бесспорным, что «Орфоэпический словарь русского языка» 1983 г. представляет собой ценный научный труд, и он несомненно окажет благотворное влияние на современную речевую культуру.

Панов М. В.

Глонти А. А. Словарь грузинских народных говоров. 2-е изд. — Тбилиси: Ганатлеба, 1984. 798 с. (на груз. яз.).

Достаточно давние и богатые традиции грузинской диалектологии широко известны. В настоящее время в этой области работает большой коллектив лингвистов Грузии, публикуются диалектные словари, тексты, исследования. Появились и отдельные обобщающие труды (ср. [1, 2]). К числу последних принадлежит и фундаментальный словарь грузинских народных говоров крупного грузинского языковеда и фольклориста проф. А. А. Глонти, вышедший в свет вторым изданием. Опубликованное в 1974—1975 гг. его первое издание (см. [3]), решившее в определенном приближении задачу, поставленную еще в середине нашего столетия В. Т. Топуриа [4, с. 58], вызвало многочисленные отклики и послужило стимулом к быстрейшему переизданию книги. Если к тому же учесть, что нивелирующее воздействие грузинского литературного языка на областную речь становится все более чувствительным, то своевременность появления нового издания этого труда должна стать вполне очевидной.

Рецензируемый словарь, включающий ныне более 26 тыс. словарных статей, является ярким свидетельством огромной собирательской работы нескольких поколений грузинских языковедов. Хотя сам его составитель скромно характеризует свой труд как краткий и имеющий в основном познавательное значение, на деле он представляет собой богатейший свод грузинской диалектной лексики, ценный во многих отношениях. Разностороннее содержание корпуса словаря позволяет назвать его не только диалектологическим, но и в какой-то степени и этнографическим, терминологическим и т. д. Автор сделал легко обозримым материал как областных словарей, составляющих, как правило, библиографическую редкость, так и нескольких неопубликованных словарных собраний, и прежде всего своей личной картотеки — результата многолетних экспедиций и постоянной работы со студентами. Органически совмещая в себе практическую и исследовательскую направленность, труд обращен к широкому читательскому контингенту. С одной стороны, он призван помочь современному грузинскому читателю в понимании лексики многих произведений грузинской классической литературы, изобилующей многочисленными включениями диалектной речи. С другой сто-

ЛИТЕРАТУРА

1. Еськова Н. А. Подача сведений о парадигмах слов в словаре русского языка. [Ин-т русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 74]. М., 1975, с. 3.

роны, он служит полезным справочником для каждого картвелиста-лексиколога.

Второе издание словаря существенно расширено и улучшено по сравнению с первым. Список использованных автором источников обогащен за счет нескольких публикаций последнего десятилетия, обусловивших заметное приращение фактического материала (помимо 250 лексем, приводимых в Дополнениях на с. 790—798, их определенное число оказалось размещенным в порядке основной алфавитной последовательности). Уточнена семантика целого ряда слов, фигурировавших в первом издании. Выправлены имевшиеся в нем опечатки и некоторые другие технические погрешности. Наконец, работа теперь опубликована единым выпуском, что существенно облегчает ее использование.

Выдержавшие испытание временем принципы подачи материала не претерпели изменений. Словарные статьи следуют в алфавитном порядке, вводится диалектной лексикой с совокупным указанием ее ареального распространения. Необходимо подчеркнуть, что число имеющих соответствующие пометы диалектных подразделений здесь существенно превышает обычно принимаемое число грузинских диалектов: это продиктовано стремлением к максимально точной фиксации областной соотнесенности слова (так, особо отмечается принадлежность лексем к верхнеаджарской, верхней и нижнемерской, окрибской, мтульской, эрцойской, тианетской, картлийской долины реки Ксани и гудамарской речи). Такое пространственное определение лексемы сразу же создает целостное представление о конфигурации соответствующей изолексы.

Помимо слов, полностью отличных от их литературных эквивалентов, в работе представлены и лексемы, обнаруживающие лишь фонетические или семантические отклонения от них. Вслед за толкованием слова или его литературным соответствием указывается зафиксировавший его источник. В некоторых случаях употребление лексемы документируется фразовой иллюстрацией. Заслуживает упоминания то обстоятельство, что глаголы представлены в словаре формой масдара, чем автор избегает умножения сушностей, встречающегося в некоторых других опубликованных в Грузии лексикогра-